

Святослав Воеводин

Рогнеда не сдалась, не смирилась, не покори-
лась. Стояла прямо, словно изваяние, и смотрела
куда-то выше голов ворвавшихся во двор. Владимиру
вспомнились наложницы в лагере, вспомнились
полонянки, которых насиловали прямо у ворот
и вдоль главной улицы. Он неспешно слез с коня,
бросил поводья гридню. Десятки глаз неотрывно
следили за ним, а может, и сотни. Он чувствовал
их, как чувствует на себе тепло солнечных лучей
гордый пион.

— Вот мы и свиделись снова, Рогволод, — заго-
ворил он, ставя запыленные сапоги на ступени. —
Только брат мой уж не прискачет вдогонку. Заперся
в Киеве, а о тебе и твоей дочери и думать забыл.
Но я не таков. — Дойдя почти до самого верха,
Владимир остановился, заложив большие пальцы
рук за пояс. — Я ничего не забываю.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5752-8



9 786171 257528

Святослав Воеводин

ГОРИГЛАВА

НЕВЕНЧАНАЯ ЖЕНА



ГОРИГЛАВА
НЕВЕНЧАНАЯ ЖЕНА

ГОРИСЛАВА
НЕВЕЖЛИВАЯ ЖЕНА

Святослав Воеводин

ГОРИСЛАВА
НЕВЕНЧАНАЯ ЖЕНА

РОМАН

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2019  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В63



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

ISBN 978-617-12-5752-8

© Майдуков С. Г., 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Часть первая

Отрастѣ

Глава первая

Посту

1

Видевшие в лодке называли ее на свой лад — снелкар; увидевшие же их с кручи поскакали в Полоцк докладывать о прибытии варяжской ладьи. Поспешали дозорные не слишком, коней загонять не было нужды: чужеземцев было десятка полтора да столько же рабов, тащивших ладью против течения.

— Большая лодка, сажений девять будет, — оценил Михась.

— Бери все двенадцать, не ошибешься, — сказал Клим Корноухий.

Их двоих оставили наблюдать за прибывшими, которые, вместо того чтобы плыть к городским причалам, остановились за излучиной, под прикрытием леса. Уж не замышляют ли они чего недоброго? Не готовят ли засаду? Или, может, это всего лишь разведчики, прокладывающие путь остальному войску? Очень скоро это должно было выясниться.

— Подползем поближе, — решил Клим, оставленный за старшего. — Видал когда-нибудь варягов вблизи?

— Нет, — признался Михась, чья первая борода была на ощупь мягче молодой муравы.

— Ну так сейчас посмотришь, — пообещал товарищ. — Мужики косы носят, а шоломы у них с рогами бычьими.

— Для чего? — изумился Михась.

— А чтоб бодаться, — ответил Клим с веселой злостью. — Бодливые они, варяги.

— А наш князь рогов не носит, хотя Рогволодом прозывается. Отчего так?

— Вот у него и спрашивай. А пока помалкивай и под ноги гляди. Шумнешь — задницу надеру.

Михась насупился и пошел крадучись, лишь изредка шурша стлаником и хрустя сучьями, скрытыми под листьями. Клим умудрялся двигаться совсем бесшумно. Он был опытный лазутчик, а с охоты без добычи не возвращался. Ухо ему изуродовала рысь, которую, сказывали, Клим задушил своими руками. Михась его уважал, однако пороть себя не позволил бы — кончилось его отрочество, он теперь и сам мог кого угодно отодрать.

Все оружие дозорных составляли легкие луки да короткие мечи. Щиты были оставлены на утесе подле стреноженных коней. Двигались дозорные налегке, а потому очень скоро пересекли рошу и выбрались на опушку, откуда до Двины было рукой подать.

— Ох ты! — ужаснулся Михась, выглянув из-за куста. — Зачем же они рабов своих рубят?

— Обратно по течению поплывут, — пояснил опытный Клим. — Лишние рты им ни к чему, да и в ладье просторно будет.

Некоторое время они молчали, прислушиваясь к жалобным воплям несчастных и непонятной речи

варягов, с окровавленными мечами расхаживающих среди тел.

— Почему никто не убежал? — спросил Михася, опуская взгляд.

— Так связаны ведь, — ответил Клим. — Всем скопом не побежишь.

Будто в подтверждение его слов, два или три раба с краю сделали попытку потащить за собой остальных, по большей части уже мертвых, но не сумели сделать и шагу. Викинги не спешили их убивать, гогоча и подзадоривая уколами мечей. Когда же рабы выбились из сил и опустились на песок, их стали убивать по одному, соревнуясь, кто снесет голову одним махом.

Михасю чудилось, будто он слышит чавкающие удары секиры.

Он кусал сунутый в рот кулак, не замечая, что на коже остаются кровавые отметины от зубов. Светлые бороды и волосы чужеземцев, заплетенные в длинные косы, а также их диковинные доспехи больше не вызвали его любопытства. Парню было тошно смотреть, как колот и режут безоружных людей. Словно скотину, даже хуже, потому что не из нужды, а по прихоти своей кровожадной.

— Теперь я знаю, почему они варягами прозываются, — пробормотал он. — Вороги значит. Варяжский — все равно что вражеский.

— За такие речи можно запросто без языка остаться, — предупредил Клим. — Это я, одноухий, могу не расслышать. А люди Рогволода такого не спустят, не простят.

— Выходит, правду говорят, что в молодости Ругнвальдом звался? Или этим, Рагнвальдом? Тьфу ты, сам черт ногу сломит.

Вместо ответа Клим сгреб его за пушистую бородавку, пригнул к земле и наградил подзатыльником.

— Не болтай в дозоре, не болтай! — приговаривал он, повторяя урок снова и снова. — А то иди в пастухи, там чеши языком сколько влезет. — Клим оттолкнул спутника и отвернулся, добавив: — Ежели не вырвут тот язык за глупые речи. Балабол!

Слезы выступили на глазах Михася, не столько от боли, сколько от обиды. Но, переведя взор на берег, он скоро забыл о своем унижении. Разрубив пути, варяги стаскивали мертвые тела в реку и отталкивали копьями, пуская вниз по течению. Покончив с этим занятием, все дружно полезли в ладью и принялись распускать парус.

— Дурни, — решил Михась. — Ветер-то встречный. Их обратно снесет.

— Ты когда-нибудь под парусом ходил? — спросил Клим.

— Нет. Но видел, как другие ходят.

Михась вспомнил про подзатыльники, поэтому процедил слова сквозь зубы, хмурия брови.

— Ты девку свою когда-нибудь имел? — дурашливо пропищал Клим. — Нет, но видал, как другие имеют...

Не успел он закончить шутку, как младший товарищ молча бросился на него. Клим встретил его ударом кулака в переносицу и тут же добавил в скулу, потом в живот. Они сцепились, повалились наземь, с треском подминая раскачивающийся кустарник. Пронзив листву, в заросли влетела стрела и косо впилась в прелую листву по самое оперение.

— Замри, — прохрипел Клим, прижимая Михася к земле. — Заметили. Вмиг стрелами утыкают, будем как те ежи.

Парень послушно притих, но тут же мелко затрясся от смеха, представив себе, как они с Климом удирают, оцетинившись иглами. Ему было и страшно, и весело. Он еще ни разу не бывал в настоящих переделках, и вот теперь в локте от него торчала настоящая боевая стрела, пущенная не в кого-нибудь, а в него.

— Пронесло, — сказал Клим, успевший приподняться на колени, чтобы посмотреть на реку.

Присоединившийся к нему Михась увидел, что ладья плывет уже довольно далеко от берега, делая неожиданные повороты из стороны в сторону.

— Чего это они? Напились допьяна?

— Ветер ловят, — пояснил Клим со знанием дела. — Наши так не умеют, да и паруса крепят намертво. У варягов, вишь, холстина свободно ходит. Наловчились. Известное дело, по морям сызмальства плавают.

— Море, море, — произнес Михась с непонятной ему самому тоской. — Сколько про него разного слышал, а все равно непонятно. Как может быть озеро, чтобы без берегов?

— Увидишь, коли будет на то милость богов.

— Оно так.

Следя за удаляющейся ладьей, товарищи примолкли. До сих пор боги не слишком их баловали, но все всегда может перемениться в одночасье, не так ли?

2

Рогволод, князь Полоцкий, гонял зверье по лесам, когда в город прискакали дозорные. Сыновья сопровождали отца на охоте, так что весть принесли воеводе Аскольду, которого многие помнили еще как конунга Осколда Большеротого. Он тут же

велел седлать коня, решив, что дело слишком важное, чтобы доверять его кому ни попадя. Давненько земляки не наведывались в Полоцк. И ведь не зря же они проделали такой долгий и трудный путь, занявший у них никак не меньше месяца. Хорошо бы без войска приплыли, но Аскольд знал нрав соплеменников и допускал, что остальные добирались посуху и таились теперь где-нибудь в окрестных пущах.

Союз с киевлянами, который держали полочане, сильно ослабел со времен правления Игоря, положившего сотни лучших ратников в бесславных походах. С одной стороны, это позволяло Полоцку не гнуть спину перед Киевом, а с другой — делало положение Рогволода шатким. Границы княжества пробовали на прочность то одни соседи, то другие, да и свои приближенные могли предать в любой момент, ибо кто же подлее предаст, как не близкий?

Аскольд, друживший с Рогволодом еще в давние времена набегов на земли эстов и латов, догадывался, что князь повсюду возит сыновей с собой не от большой любви, а чтобы не дать им сговориться с боярами в его отсутствие. Одному было под тридцать, другому за тридцать перевалило, и оба мечтали о венце княжеском и, поглядывая на него, украдкой примеряли к своим молодым горячим головам. Могли ли они задумать злодейство против родного отца? Почему нет, тем более что оба все еще горевали по покойной матушке, которую, как нашептывала молва, удушил не печной угар, а некто, имевший вполне человеческий облик и способный оставлять пальцами синяки на шее.

Рогволод не раз предлагал сыновьям подобрать себе другие имена, привычные здешнему слуху, но Раальд

и Свен отказывались наотрез, твердя, что так назвала их мать и нарушать ее волю негоже. В этом заодно с ними была младшая сестра Рогнеда, которая в свои шестнадцать была так пригожа, так мила, что отец в ней души не чаял и старался ни в чем ей не перечить.

— Легка на помине, княжна, — усмехнулся Аскольд, вставляя потертый сапог в сверкающее медью стремя. — Только тебя вспомнил, а тут и ты.

— Я слыхала, ты к отцу поскачешь, — сказала Рогнеда, спускаясь во двор по дощатым ступеням. — Возьми меня, дядька Аскольд. Скучно в тереме сидеть.

— Не могу, — покачал он седею головою, — нет у меня на то княжеского дозволения.

— Так я тебе его даю, воевода! — Она вздернула подбородок. — Приказываю взять меня с собой.

Приложив кулак к сердцу и поклонившись, Аскольд молвил так:

— Придется мне послушаться тебя, княжна. Хочешь, казнить вели, а только не отступлю от своего. Разный народ по лесам шастает, а я буду за тебя в ответе. Вон, новгородцы второго дня на обоз напали, дань разграбили. Девкам в пуще не место, да еще таким красивым.

Вместо того чтобы обидеться, Рогнеда расцвела, хоть и пыталась, польщенная, сдержать усмешку.

— Что же, разве так уж хороша я собой? — спросила она, теребя выложенную на плечо косу толщиной с ее запястье.

— Краше всех на свете, — заверил ее Аскольд и, пользуясь счастливым замешательством княжеской дочери, вскочил в седло, хлестнул коня и поскакал к воротам, уже растянутым в стороны двумя стражниками.

Следом за воеводой устремился десяток дружинников, оповещая гиканьем и улюлюканьем о своем

приближении, чтобы люди вовремя убирались с дороги и не мешали проезду.

Не переходя на рысь и не придерживая коней, отряд промчался по одному мосту, потом по другому, заставляя прохожих жаться к краям с риском упасть в воду. Полоцк стоял по обоим берегам реки и в придачу был защищен речными рукавами, поймами и протоками, что делало его неприступным для налетов кочевых племен, а более опасные враги пока что сюда не добирались.

Пересекая заливные луга, Аскольд привычно обминал заболоченные низины, постепенно забирая на восток, где, как он знал, любил охотиться князь. Там был выстроен небольшой бревенчатый терем с пристройками, конюшнями и псарнями. Бывало, Рогволод проводил здесь недели кряду, особенно когда была жива жена и не случалось важных государственных дел. Не обходилось, конечно, без пирушек и банных потех, о которых потом еще долго вспоминали участники.

Будь воля Аскольда, он ни за что не позволил бы князю подолгу засиживаться в тереме. Прознай про то недруги, они могли бы легко перебить дружину и даже две, чтобы истребить весь княжеский род с Рогволодом во главе. А если бы кто напал на город в его отсутствие, то защищаться пришлось бы без единого руководства, что тоже могло закончиться плачевно.

Углубившись в лес, Аскольд натянул поводья и поднял руку в перчатке, призывая спутников сделать то же. Сдерживая всхрапывающих коней, всадники наострили слух. Откуда-то издали доносился шум загонщиков. Это означало, что охота идет полным ходом. Если поскакать прямо, можно испортить гон, да и на шальные стрелы нарваться. Выбрав

направление, Аскольд повернул туда морду коня и ударил его пятками.

Без троп идти приходилось шагом, переходя на рысь лишь там, где деревья неохотно расступались, пропуская всадников. Замшелые стволы уходили к небу, лошадиные копыта то и дело выворачивали из земли грибы, наполняющие воздух печальным запахом еще далекой пока осени. Спустившись к прозрачному лесному ручью, вьющемуся по дну яра, всадники поднялись на выгоревший участок леса, где черная земля и пни проглядывали сквозь зеленую траву и низкую листву молодняка. Здесь звуки охоты раздавались ближе, она надвигалась прямо на отряд, несмотря на попытку Аскольда отклониться в сторону.

— Что бы ни случилось, с места не сходите, ждите здесь, — приказал он. — Князь не простит, если потеху ему порушим. Я один дальше пойду. Погляжу, что и как.

Дружинники, приученные к беспрекословному подчинению, не стали перечить. Один из них принял протянутую ему уздечку, и все начали спешиваться. Впереди лежало открытое пространство, на котором их было видно издалека и зверю, и человеку. Что касается Аскольда, то он двинулся дальше пешком, выдирая сапоги из травяной путаницы, переступая головешки и обминая горелые пни. Один из глухарей напугал воеводу, внезапно взлетев из густой зелени, и с шумом помчался прочь, поднимаясь все выше над гарью.

Выхваченный из ножен меч не понадобился. Серdito глядя вслед опозорившему его глухарю, Аскольд пошел дальше. Услышь он хотя бы одну шутку или приглушенный смешок за своей спиной, повернул

бы обратно, но, по счастью для дружинников, делать этого не пришлось. И все же оплошность с глухарем наполнила душу досадой, и, услышав впереди стук копыт, Аскольд не остановился, чтобы вторично не выказать испуга.

Бежала не лошадь. Гулкий топот сопровождался костяным пощелкиванием, с каким бегают олени, раздвоенные копыта которых ударяются друг о друга.

«Не спугнуть бы! — подумал Аскольд. — Стану за деревом».

Там, где прогалина заканчивалась, сменившись осиновым подлеском, уже мелькало бурое тело на легких, тонких ногах. Это был не олень. Прямо на воеводу бежал такой огромный лось, каких он ни разу в жизни не видел. Высоченный, горбатый, с широко раскинутыми лопастями рогов, он был вдвое больше самой крупной лошади. В холке его и меж ребер торчали стрелы, мотающиеся при беге. За ним катился разноголосый лай невидимой пока своры.

Аскольд вжался в березовый ствол, боясь выдать себя дыханием и даже взглядом. На него надвигалась живая разъяренная гора, способная превратить человека в лепешку, порвать в клочья рогами, измочалить огромными копытами, каждое размером с миску. По моментально взмокшему телу воеводы потекли ручьи холодного пота.

Отбрасывая стремительную тень, серо-коричневая махина промчалась мимо и вдруг остановилась как вкопанная, взрыхляя землю всеми четырьмя расставленными ногами.

Массивный загривок не позволил лосю оглянуться на прихваченный ноздрями человеческий запах. Переступив копытами, он повернулся всем телом. Даже

не пытаясь отбиться мечом, Аскольд полез на березу с умением и проворством, которых никогда не замечал за собою. Словно до рождения человеком был он белкой, стремглав носившейся по деревьям.

Однако и лось был проворен, невзирая на свой многопудовый вес. Оттолкнувшись копытами, он кинулся вперед.

Аскольд, повисший на ветке, почувствовал страшный удар по ногам, подбросивший его высоко в воздух и едва не прокрутивший вокруг оси. Ему удалось удержаться, и он упал животом вниз, глядя на беснующегося внизу зверя. Налитые яростной мутью глаза животного встретились с глазами человека, лось заревел и со всего размаха боднул березу. Чудом не свалившись от толчка, Аскольд взобрался выше и сел на развилку. Только отсюда он решился взглянуть на лося, который, свирепо фыркая, вздымал ногами тучи сухих листьев и земляных комьев. Аскольд увидел, как заднее копыто опустилось на сухой ствол и тот раскололся подобно щепке. Воевода крепче обхватил руками сучья. Из разорванного рогом голенца сочилась кровь. Береза тряслась от ударов, следующих все чаще.

Аскольд понял, что спасения ждать неоткуда. Дружинники даже под страхом смерти не послушались бы приказа оставаться на месте, что бы ни случилось. Им было хорошо известно, что воевода никогда не бросает слов на ветер. Да и вообще они остались за пригорком и могли лишь слышать шум, не представляя себе, что здесь творится. Аскольд уже лихорадочно решал, что предпримет и куда побежит, когда береза будет сломана или повалена, но тут на помощь ему пришла собачья свора.

Собаки, сталкиваясь и прыгая друг через друга, вылетели из чащи и рассыпались вокруг лося, отвлекая его внимание на себя. Забыв про человека на дереве, он низко опустил губастую морду, грозя поднять на рога каждого, кто приблизится к нему спереди. Задом он прижался к тому самому стволу, который только что старался обрушить. Благодаря кустарнику, выросшему у подножия дерева, лось был более или менее защищен с тыла.

Не переставая захлебываться лаем и рычанием, ошетинившиеся псы обступили его полукругом. Их было семь, и любой из них мог схватиться с волком. Они ждали только удобного момента, чтобы, подскочив, вцепиться великану в обвисшее горло, в бока, повиснуть на шкуре, добираясь зубами до горячего мяса. Ни одна из собак, однако, не отваживалась переступить невидимую черту, за которой ее караулили опущенные рога с отшлифованными зубьями. Гневно поблескивающие глаза лесного богатыря ловили каждое движение преследователей. Увенчанная боевой короной голова делала чуть заметный поворот, как только одна из собак приближалась хотя бы на аршин.

Своим исступленным лаем псы старались скрыть свой страх. Все семь были сообразительны и опытные, ни одному не хотелось лезть на верную смерть. Ведь их послали только задержать лося, не пустить его в чашу. Они не были обязаны вступать с ним в кровопролитную схватку. Это было дело тех, кто затеял охоту. Людское дело.

Но и лось тоже прекрасно понимал, чего дожидается окружившая его свора. Едва между деревьями замелькали фигуры бегущих и скачущих людей, как он двинулся вперед.

Три самые отважные гончие одновременно кинулись на него с разных сторон. Но это был отвлекающий маневр: лось тотчас отпрянул, а собаки оказались прямо перед ним, совершенно не готовые к такому повороту событий.

Аскольд со своего насеста увидел, как взметнулись развесистые рога и одна собака взлетела выше него самого, сверля воздух пронзительным скулежом. Удар передним копытом — и вторая покатила по земле с распоротым брюхом, путаясь в собственных кишках. Обратив свору в бегство, лось забросил рога на спину и рванул с места, соперничая размашистой иноходью с галопом подоспевшего скакуна с Рогволодом в седле. Свое могучее тело зверь нес стремительно и плавно, однако уйти ему было не суждено.

Привстав в стременах, князь занес короткое копьё с широким длинным наконечником, похожим на клинок меча.

Несмотря на головокружительную скорость, с которой животное и всадник ломались через тугие кустарники, удар был точен и силен. Копьё вошло в бурую тушу на всю длину наконечника. Рогволод, скакавший слева, целил в сердце — и не промахнулся. Некоторое время древко ходило ходуном, вторя прыжкам лося, потом судорожно задергалось, предвещая скорый конец.

Ломая ветки, туша грохнулась оземь, загоня копьё еще глубже.

— Готов! — торжествуя крикнул князь, круто разворачивая коня. — Возьмите его.

Аскольд поспешно полез вниз, мечтая остаться незамеченным, но вокруг березы собралось слишком много охотников, осматривающих издыхающих собак.

— Воевода? — захохотал князь, все еще охваченный азартом недавней погони. — А ты что здесь делаешь? Почто на дерево взгромоздился, как ворона? Али каркать учишься?

Шутка вызвала взрыв смеха среди собравшихся. Постаравшись запомнить тех, кто веселился пуще других, Аскольд объяснил, зачем приехал в лес и как очутился на березе.

Рогволод тут же насупился, и свита его сделала то же самое. Сыновья обступили отца с двух сторон, то ли ища у него защиты, то ли готовые сами защитить его.

— Что нужно здесь гостям незванным? — спросили Раальд и Свен в один голос.

Несмотря на свои имена и голубые глаза, они не считали варягов ни родней, ни земляками. Выросли и возмужали они на этой земле, привыкли считать родиной ее, а не далекие северные края.

— Скоро узнаем, — сказал князь Рогволод.

Тон его не предвещал прибывшим ничего хорошего.

3

В свои пятьдесят с гаком лет Рогволод все еще считал себя молодым, а потому не берегся, двигался порывисто, отдыхал мало и позволял себе всякие излишества. Порой это выглядело привлекательно, а порой — комично, когда, например, князь соскакивал с коня, позабыв, что ноги его уже не те, колени хрустят, а щиколотки подгибаются под тяжестью достаточно грузного тела.

Аскольд, знавший за хозяином такую слабость, старался быть рядом, чтобы поддержать его в момент прыжка, маскируя свою заботу под обычное желание

услужить. Падение князя вызвало бы много ненужных пересудов. Двор был полон бояр и воевод, собравшихся при известии о приплывшей ладье. Варягов пока внутрь не допускали, держа за воротами в специально раскинутых для них шатрах.

Идя через двор, Рогволод кивал направо и налево, отвечая на приветствия, но смотрел себе под ноги, вряд ли различая, с кем здоровается. Седые волосы его не развевались при ходьбе, а облегли голову плотным шлемом. Запыленный плащ волочился по земле. Дойдя до крыльца, он бросил отстающему на полшага Аскольду:

— Объяви, что принимать гостей сам буду. Проводишь их ко мне, без оружия. И пусть гридней побольше приставят к палате. С короткими мечами и малыми щитами.

Последнее распоряжение означало, что князь предполагает схватку и заранее заботится о том, чтобы его охранники имели преимущество в тесном помещении.

— Дозволь моей дружине стражу нести, — выступил вперед воевода Блуд, посчитавший, что это позволит ему выделиться и находиться на виду, к чему он всегда стремился.

— Нет, — качнул головой Рогволод. — Пусть Аскольд охраняет. Ему привычней. Больше никто в палату допущен не будет.

Поклонившись, Аскольд провозгласил с крыльца княжескую волю и отправился к прибывшим. Пока он шел по двору, его сопровождало так много завистливых и ненавидящих взглядов, что впору кольчуге расплавиться. Воевода на обиженных бояр не смотрел, держал голову высоко, а спину — прямо. Он никогда не забывал, кто они с Рогволодом такие, откуда

явились и кем стали. В разном количестве и с разными примесями, но в их жилах текла одна королевская кровь Харальда Пышноволового, а значит, оба имели основания для власти над людьми и правления государствами. Как некогда Новгород, а затем Киев, Полоцкое княжество трещало по швам от бесконечных междоусобиц, когда на трон взошел варяжский викинг и навел порядок железной рукой.

Ярл Рогволод и его верный конунг Аскольд были последними из отчаянной ватаги, посланной в эти края еще королем Эриком по прозвищу Кровавый Топор. Кости грозного Эрика давно гнили в земле саксов, и Рогволоду не перед кем было держать ответ за несоблюдение прежнего договора, однако новый норвежский король, Харальд Серая Шкура, мог посчитать иначе. Что, если он направил своих людей в Полоцк, чтобы потребовать от князя повиновения, дани, выкупа и участия в военных походах?

Как вскоре выяснилось, опасения Аскольда оказались напрасными. Сыновья ярла Хладира заявили, что приплыли сами по себе, а при упоминании Харальда обменялись такими выразительными взглядами, что стало ясно: Олаф, Гудрад и Хокон любви к королю не питают и, скорее всего, взаимно лишены его милостей.

— Я так думаю, что они беглые, — поделился Аскольд своими наблюдениями с князем. — Новые дозорные с Двины прибыли. Они спустились вниз по течению до самой Чернешины и войска вражьего не обнаружили.

Рогволод в лице не изменился, но пальцы его, которые до этого сжимали подлокотники трона так, что суставы побелели, как на морозе, расслабились.

— Зови, — распорядился он. — Мечи сложили?

— По первому слову, князь, — подтвердил Аскольд. — Но ножи оставили. Ты ведь знаешь закон.

— Знаю, — хмуро подтвердил Рогволод. — Эй, там! Пусть двое станут прямо за троном. И ты останься. — Он посмотрел на воеводу. — Будешь переводить их речи.

Оставалось только склониться перед мудростью такого решения. Тем самым князь давал понять варягам, что перестал быть их соотечественником и выгадывал время для обдумывания своих ответов.

Братья вошли в зал уверенной поступью, держась как равные среди равных. Говорил от их имени Гудрад, не выглядевший старшим, но, надо полагать, превосходивший остальных умом, выдержкой и красноречием. Он еще не закончил своих приветствий, когда Аскольд остановил его жестом и сказал на родном наречии:

— Не говори так длинно, прошу тебя. Я не успеваю переводить твои слова великому князю Полоцкому.

Олаф подбоченился и дерзко посмотрел на Рогволода:

— Сдается мне, что князь и без тебя справится, старик. Не может он не понимать языка вскормившей его матери.

— Что он говорит? — спросил Рогволод, надменно распрямляясь на троне. А когда воевода перевел, нахмурился и распорядился: — Скажи им, пусть кто-то один речь держит. Я не могу всех по очереди выслушивать, коли не достигли промеж собой согласия.

И снова Аскольд подумал, что не случайно властителем стал не он сам, а Рогволод. Умел князь построить любой разговор так, что за ним оставалось

преимущество. Подметил дух соперничества между братьями и начал вбивать клин между ними, заодно напомнив, кто тут главный, а кто в качестве просителя явился.

Сыновья Хладира переглянулись. Олаф по-прежнему упирал кулаки в бока, обтянутые железной рубахой, но рот больше не открывал. Продолжал Гудрад, закончивший свое приветствие и почтительно выслушавший ответное.

— А теперь пусть скажут, зачем явились, — решил Рогволод, ограничившийся двумя или тремя вежливыми фразами.

Гудрад не замедлил с ответом, вовремя останавливаясь, чтобы дать Аскольду время на перевод своих слов.

— Мы слышали, Киев княжество Полоцкое под себя подминает. Надо бы наоборот. С нашей помощью князь и киевскую корону возьмет, и новгородскую. Дело не в численности войска. И даже не в силе. На войне побеждает тот, кто не боится погибнуть в бою. В нас нет страха.

— Почему же тогда вы не отдали себя на суд своего короля? — спросил Рогволод. — Или вы не от его гнева бежите?

После этих вопросов братья позабыли о повелении не перебивать друг друга.

— Мы воины, и мы готовы биться, а не головы под топор подставлять! — выкрикнул Хокон.

— Никогда и ни от кого Хладир не бегали и не побегут! — вторил ему Олаф.

А Гудрад сказал:

— Пусть ярл Регнвальд вспомнит, кем был до того, как на здешний трон взошел и князем Рогволодом нарекся. За то тебе честь и слава. Мы одной крови,

и мы на землю посланы, чтобы покорить ее и свою сделать. Один ведет нас в походы, Тор секиры наши направляет. Не годится героям зады мозолить и кости у домашнего очага греть. Вспомни молодость, князь. Отец сказывал, ты Полоцк с тремя сотнями воинов взял. Теперь у тебя целое войско да мы в придачу. Веди на Киев. Или нас пошли, мы за тебя кровавую работу сделаем.

На протяжении своей тирады Гудрад несколько раз прерывался, давая слово Аскольду, и Рогволод ждал с непроницаемым лицом, ничем не выдавая своего отношения к услышанному. Когда же наконец он заговорил, глаза его смотрели сердито, а голос звучал гневно.

— Только дурак воюет там, где можно миром поладить. Я Полоцк не брал, вошел по приглашению и терем свой не на пепелище возвел. Новгород и Киев не враги нам, не соперники, а братья, вот как вы трое. — Рогволод указал на братьев, стоящих перед ним. — От них мне выгода и союз, а от вас что? Селения безлюдные? Поля сожженные? Разбойники по большим дорогам? Идите к себе и там воюйте, коли ни на что больше не годитесь, сыны Хладировы.

— Вот как ты повернул, Регнвальд, — с угрозой произнес Гудрад, вмиг растерявший все свое напускное миролюбие. — Вот как земляков встретил. Даже за стол не посадил с дороги, толком не выслушал, не оказал гостеприимства.

Аскольд поспешил встать между Рогволодом и братьями, недвусмысленно обхватив рукоять меча, подвешенного с левого боку.

— Знает князь вашу волчью породу, — заговорил он, не дожидаясь хозяйского повеления. — Вас за

стол усадишь, так нож в спину получишь. Хотите пожар войны разжечь, чтобы руки погреть? Не выйдет. Убирайтесь подобру-поздорову, пока не поздно. Здесь вам нечего делать.

Братья спросили Рогволода взглядами: такова ли его воля, как говорит воевода от его имени? Молчаливый ответ был: да.

— До рассвета вам надлежит отплыть от наших берегов и не приближаться впредь, — продолжил Аскольд, заручившись безмолвным одобрением князя. — Сегодня можете охотиться и отдыхать, но чтобы с восходом солнца вашего духу тут не было.

Гридни, стоявшие с мечами наготове за каждым углом, за каждой холстиной и дверью, приготовились выскочить, если вдруг чужаки замышляют недоброе, однако вмешательство не понадобилось. Уходили, правда, братья без почтительных поклонов и даже не прощаясь. Зато от ответных угроз удержались. Только дерзко ослабились в три рта, дружно крутнулись на пятках и были таковы.

— Что скажешь, воевода? — спросил Рогволод сквозь зубы, когда они остались одни.

— Бес его знает, — проговорил Аскольд, перебирая бороду. — Может, крутоват прием оказался.

— В самый раз. Видел, как глядели? Чистые волки.

— Послать дружину, чтобы проследили за отплытием?

— Две пошли, — решил Рогволод. — Пусть на виду стоят в боевой готовности. И дальше проводить не мешало бы.

— Проводим, — кивнул Аскольд. — Так я поеду?

— Езжай. Да потом дозоры усилить надобно будет. Не оставят нас соплеменники в покое. Этих прогоним,

другие придут. Больно кусок лаком. В грецкие земли мимо нас не проплывешь. Вот и неймется варягам. Если тучей повалят, не устоим. Пора союз с соседями укреплять. Завтра пошлю в Новгород гонцов с каким-нибудь пустячным поручением. Пусть намекнут Владимиру, что дочь моя созрела для замужества и красотой своей затмевает утреннее солнце.

— Может, Киев надежнее? — осторожно предположил Аскольд.

— И в Киев посольство отправлю, — усмехнулся Рогволод. — Пусть Ярополк с Владимиром за Рогнеду соперничают. Как еще братьев поссорить? А не стравишь их друг с другом, так ведь сговорятся Святославичи и меня с трона скинут, чтобы княжество меж собой поделить. А пока гони варягов восвояси. — Князь махнул широким рукавом. — Нет, постой. Ты так и не сказал, что на березе делал, пока я с лосем сражался.

— Другого высматривал, — нашелся воевода. — Твой маловатым мне показался. Дай, думаю, покажу князю, как лосей бить надо.

Они посмеялись немного, а потом глаза их сделались строгими и холодными. Время шуток закончилось. Это чувствовали оба, как чувствуют перелетные птицы дыхание далекой еще зимы.

Глава вторая

Братья

1

Первые возы с первым урожаем прибыли в Киев раньше обычного. Знахари и ворожеи обещали ранние холода, обильные снега и лютые морозы. Люди им верили, но все равно сомневались. Глянешь в синее небо, подставишь лицо ласковому солнышку, ощутишь кожей мимолетное касание паутинки и думаешь: может, в этом году зима и не придет? А что, если Дажьбог одолел Стрибога и не дал тому развязать мешки с холодными ветрами и снегом? Так и будет бабье лето до весны длиться, а потом настоящее лето настанет, с полей хоть тройные урожаи собирай, скотине корм заготавливать не придется, на зипуны и валяные сапоги тратиться не надо. Красота!

А все же, конечно, к зиме готовились, щели конопатили, лес рубили, валежник громоздили на задних дворах, сеновалы и амбары старались доверху набить. Солили огурцы, мочили яблоки, квасили капусту, сушили жирных днепровских лещей с окунями. Свадеб играли по десятку в день — с песнями,

плясками, забавами молодецкими, веселыми пьяными мордобоями. А по ночам ахи да охи молодух до самого неба долетали, и сыпались оттуда искорки звезд, предсказывая достаток и радость.

Князь Ярополк тоже к женитьбе готовился, хотя государственные дела заставляли его все дальше и дальше откладывать поездку в Полоцк. Отцом поставленный княжить на время похода в Византию, он так на троне сидеть и остался. Когда Святослав возвращался домой с победой, печенег перебили все его войско, устроив засаду на днепровских порогах. Князь погиб тоже, так что старшему сыну его не пришлось выпускать бразды правления из своих рук. Отослав выживших дружинников, принесших в Киев печальную весть, Ярополк покручинился, а ночью, когда все в тереме уснули, взял отцовскую корону, которую до сих пор не смел трогать, надел на кудрявую голову и долго стоял перед зеркалом, всматриваясь в свое молодое, но уже усталое лицо.

Душа Ярополка словно бы раздвоилась. Одна половина призывала его отступить от высокого трона в пользу младших братьев, а самому продолжать жить простой, праведной жизнью, как прежде. Однако в той же душе расцветала гордыня, призывающая новоявленного князя возвыситься над Олегом и Владимиром, которые правили дальними уделами. С детства не прекращалось между ними яростное соперничество, выливавшееся в постоянные драки и ссоры. Все трое родились от разных матерей и держались своих родичей, которые точно так же враждовали, выясняя, кто из них ближе и дороже князю Святославу. Но в отрочестве Олег и Владимир начали постепенно сближаться, потому что вдвоем можно

было поколачивать старшего Ярополка и подстраивать всякие пакости.

Братья надрезали подпругу на его лошади, подбрасывали ему в сапоги горящие уголья, бросали в него снежки, начиненные камнями, а один раз даже чуть не утопили во время купания в Днепре. Поодиночке Ярополк мог отколотить и одного, и другого, однако вдвоем Олег и Владимир представляли собой грозную силу. Много днепровской воды утекло с той поры, а детские обиды остались. Опасаясь, как бы сыновья не продолжили вражду и в совершеннолети, отец разослал их в разные края, и с тех пор они почти не виделись, а если и случалось такое, то изображали взаимное равнодушие.

Пока Ярополк сидел в Киеве, Олег правил в землях древлян, а самый младший, Владимир, верховодил над новгородцами. Братья были далеко, и все же не шли из головы Ярополка с той поры, когда он примерил на себя отцовскую корону. Не совершил ли отец ошибку, наделив троих сыновей почти равными властью и силой? Не порвутся ли узы, связывающие три княжества, когда у братьев случится какой-нибудь спор и былая вражда вспыхнет в их сердцах? Олег завидовал Ярополку и попрекал Владимира низким происхождением из чрева рабыни. Владимир мечтал о расширении своих владений и то и дело засылал отряды разорять пограничные селения Киева. Ярополк терпеть обоих не мог, как ни заставлял себя проникнуться к ним братскою или христианскою любовью. Последнее обстоятельство настолько смущало его, что, поддаваясь порыву, он временами слал братьям письма, предлагая встретиться и примириться. Ответов ни разу

не было. Как будто Ярополк умер для Владимира и Олега.

Каково же было его изумление, когда с севера прискакал гонец, чтобы предупредить о приближении дружины из Новгорода. Во главе ехал Владимир собственной персоной и передавал брату устный привет.

— Велика ли дружина? — насторожился Ярополк.

— Две сотни скачет да обоз малый, — доложил гонец. — Похоже, князь Владимир подальше Киева собрался.

— Куда же? Без войска, без запасов на зиму?

— Того не могу знать, князь.

Отправив гонца, Ярополк поднялся на башню своего терема и стал всматриваться вдаль, словно надеясь увидеть там отгадку. Тревожное чувство холодило сердце, как будто змея по груди ползала, в клубки свиваясь. «Почему же не рад я брату своему? — спрашивал себя Ярополк. — Разве не завещал нам Спаситель возлюбить ближнего, как себя самого? Кто же может быть ближе брата единокровного? Он едет к тебе, смилив гордыню, а ты опасаясь, подозреваешь его в чем-то. Негоже доброму христианину себя так вести, ох, негоже».

Пристыдив самого себя таким образом, Ярополк спустился в свои покои и послал за женами, чтобы отдать им распоряжения о торжественной встрече. Первой явилась на зов маленькая, ладная Ирина, которую отец привез из Греции, позабавился да и бросил, а Ярополк подобрал, потому что была она в прошлом монахиней и превосходно разбиралась в Святом Писании. Ласковая, порывистая, то хохочущая среди подруг, то грустящая в одиночестве,

она была полной противоположностью Гертруде, всегда взиравшей на мир с одинаково непроницаемым выражением лица и светлых глаз. Сложена она была хорошо, но бледную кожу ее усеивали веснушки, а курчавые волосы цвета ржавчины были жестче лошадиной гривы, что отталкивало Ярополка.

Гертруду сосватал ему отец, заручившись тем самым поддержкой ее отца, герцога Конрада Первого, состоявшего в родственных узах с императором Оттоном. В окружении князя Гертруду прозвали «немкой», так как она долгое время не могла вымолвить ни слова по-русски и ходила с плотно сжатыми губами, точно немая. Ирину любили больше — за легкий нрав, за незлобивость и ласковое обхождение. Но Ярополк сторонился обеих и редко навещал жен ночами, предпочитая спать один, дабы не впадать в искушение чаще, чем того требовала молодая плоть. В глубине души он тяготился этими брачными узами и не хотел детей ни от Ирины, ни от Гертруды, поскольку надеялся встретить по-настоящему родственную душу и познать, что такое истинная любовь.

Может, она ждет Ярополка в Полоцке и зовут ее Рогнеда? Был он немало наслышан о юной красоте ее, и невозможность проверить это воочию лишь сильнее возбуждала любопытство, а оно, в свою очередь, порождало фантазии и томление, измучившие молодого князя с той поры, когда он впервые услышал, что Рогволод собирается выдавать дочь замуж и был бы не против, если бы ее руки испросил не кто иной, как Ярополк.

Он бы и рад отправиться в Полоцк, да не знал, как сообщить об этом Гертруде и Ирине, ибо подозре-

Содержание

Часть первая. СТРАСТЬ	5
<i>Глава первая.</i> Гости	7
<i>Глава вторая.</i> Братья	28
<i>Глава третья.</i> Невеста.....	42
<i>Глава четвертая.</i> Владимир	57
<i>Глава пятая.</i> Ярополк	74
<i>Глава шестая.</i> Война	89
<i>Глава седьмая.</i> Расплата.....	102
<i>Глава восьмая.</i> Рождение	125
Часть вторая. ВЕРА	139
<i>Глава девятая.</i> Киев	141
<i>Глава десятая.</i> Наследник.....	162
<i>Глава одиннадцатая.</i> Слава	184
<i>Глава двенадцатая.</i> Крещение	203
<i>Глава тринадцатая.</i> Соперницы.....	219
<i>Глава четырнадцатая.</i> Новгород	234
<i>Глава пятнадцатая.</i> Просвет	255
<i>Глава шестнадцатая.</i> Исход.....	265

Літературно-художнє видання

ВОЄВОДИН Святослав
Горислава. Невінчана дружина

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 22.03.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newtop». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 7000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ВОЕВОДИН Святослав
Горислава. Невенчанная жена

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Підписано в печать 22.03.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Newtop». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 7000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-код



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Він увірвався до її оселі з вогнем та мечем, знищив її родину і силою взяв її за дружину. Він — Володимир Святославович, жорстокий володар і безжалний ворог. Вона — Рогніда, знатна і вродлива дочка полоцького князя. Та, у кого відібрали все, навіть ім'я. Горислава — так наре́к діву Володимир. Він зробив усе, щоб її не дістав його брат Ярополк. Однак, узявши силоміць тіло Горислави, він не зміг заволодіти її серцем. Усе, що лишилося Гориславі, — це помста і... кохання.

Воеводин С.

В63 Горислава. Невенчанная жена : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 288 с.

ISBN 978-617-12-5752-8

Он ворвался в ее дом с огнем и мечом, уничтожил семью и силой взял ее в жены. Он — Владимир Святославович, жестокий властитель и беспощадный враг. Она — Рогнеда, знатная и прекрасная дочь полоцкого князя. Та, у которой отняли все, даже имя. Горислава — так наре́к деву Владимир. Он сделал все, чтобы она не досталась его брату Ярополку. Но, взяв силой тело Гориславы, он не смог завладеть ее сердцем. Все, что осталось Гориславе, — это месть и... любовь.

УДК 821.161.1(477)



После гибели любимого мужа, князя Игоря, Ольга желала одного — мести древлянам. Жажда расплаты и крови поглотила ее. Княгиня и не догадывалась, как сильно полюбил ее верный воин Ясмуд. Он почти заменил отца маленькому Святославу. Шли годы, княжич возмужал, прослыл могучим и беспощадным воином. Тем временем император Константинополя именовал Ольгу правительницей Руси. Да только Святославу, жаждущему власти, не по душе такое покровительство. Он хочет править единолично, избавившись от Ольги. Но на пути у княжича встанет верный Ясмуд...

Когда-то старец-колдун предсказал юной Ярославне замужество, корону, смерть и новое рождение. Отвергнутая германским королем Генрихом III княжна обрезает косу, не боясь ни гнева отца, ни осуждения киевлян или послов французского короля Генриха I, за которого ее просватали. Ярославна достойно встречает свиту будущего мужа. Один лишь взгляд этой гордой и непокорной девушки пробудил в сердце графа Рауля де Валуа неведомые ему дотоле чувства. Но она — будущая королева Франции. Та, что должна подарить королю наследника. И пусть ей противен старый Генрих, государственные дела превыше чувств. Юная княжна должна отказаться от любви к графу. Но Рауль не хочет терять ту, ради которой готов сразиться с самим королем и восстать против целого мира...

